

Бум!

Дзынь!

Грохот падающего оборудования разорвал тишину.

Нак! Нак! Нак!

Кто-то, не помня себя от ярости, крушил свалившуюся на пол камеру. По линзе объектива поползли трещины — всё шире, глубже, словно само стекло издавало предсмертный хруст. Наконец хрупкое устройство не выдержало: осколки со звоном брызнули во все стороны.

Вдребезги. Всё разлетелось вдребезги.

Вслед за грохотом раздался яростный вопль, в котором пополам с гневом сквозила безнадежная скорбь:

— Ты хоть понимаешь, что это?! Это — жизнь! Это жизнь твоего отца!

Жизнь!

Жизнь...

Такова жизнь.

— Вот ведь судьба-злодейка! — мужчина средних лет зарыдал, изливая душу Линь Шо. — Женщина, которую я любил, вышла замуж, потом развелась, а теперь снова идёт под венец... и жених, мать его, опять не я! Брат, скажи, разве это не рок? Мне тошно, Линь Шо! На душе так пакостно, слов нет!

Линь Шо молча отхлебнул пива.

Обычный придорожный ларёк, тусклый свет фонаря, дешёвое пойло по два юаня за банку — но Линь Шо сидел так, словно находился в свете софитов. В каждом его движении сквозило врождённое изящество; он выглядел как аристократ, случайно заглянувший в трущобы.

Одни его руки могли приковать к себе взгляд любого эстета, а уж если поднять глаза на лицо... многие невольно задерживали дыхание, не смея смотреть дольше секунды.

— Можешь подождать, пока она снова разведётся, — равнодушно бросил Линь Шо.

Собеседник горестно приложился к банке.

Мужчину звали Ван Хулай. Режиссёр третьего сорта, начинавший когда-то с «фильмов для взрослых» — в те времена он считался едва ли не «духовным наставником» для целого поколения молодёжи. Но позже рынок заполонило западное и корейское видео, и Ван Хулаю пришлось спешно менять профиль.

Переквалификация далась нелегко.

Его компания, пафосно названная Звёздный свет, была попыткой «отмыться» и начать новую жизнь. С момента её основания Брат Ван снял семь или восемь картин, и каждая — абсолютно каждая! — с треском провалилась в прокате. В индустрии за ним прочно закрепилось прозвище: Король плохих фильмов.

Глядя на катастрофические сборы новой ленты и получив очередной удар на любовном фронте, Ван Хулай в полном отчаянии позвал Линь Шо выпить.

Несмотря на огромную разницу в возрасте и положении, они неплохо ладили. Когда-то Король плохих фильмов положил глаз на внешность Линь Шо и буквально преследовал его, умоляя сняться в кино. Какие бы золотые горы он ни сулил, Линь Шо оставался непреклонен. Со временем Ван Хулай оставил эту затею, и они стали просто друзьями.

Линь Шо был молод, но его суждения и поступки часто заставляли Брата Вана чувствовать себя неопытным юнцом. В любой сомнительной ситуации он первым делом бежал за советом к Линь Шо.

— Слышал, на стройке сейчас платят по несколько сотен в день, — вздохнул Ван Хулай. — Может, ну его, это кино? Подамся в прорабы, сколочу бригаду... как думаешь?

— Лучше не надо, — отрезал Линь Шо.

Ван Хулай воодушевился:

— Значит, веришь, что я рождён быть режиссёром?

— Просто это безопаснее для общества, — пояснил Линь Шо. — Посуди сам: если твой фильм — дерьмо, тебя максимум обругают. А если ты построишь дерьмовый дом, он рухнет и придавит людей. — Его язык порой жалил больнее змеи. — Так что оставайся в кино, Брат Ван. Кто-то же должен держать на своих плечах небосклон малобюджетного трэша.

Ван Хулай только и смог, что обнять бутылку и тихо заскулить.

Линь Шо продолжал неторопливо пить, не обращая на него внимания. Брат Ван уже набрал воздуха, чтобы в сотый раз попытаться удачи и предложить роль, но в этот момент у Линь Шо зазвонил телефон.

Тот нахмурился, взглянув на экран, и нажал кнопку ответа.

— Ты где? — раздался в трубке резкий, не терпящий возражений голос. — Живо ко мне. Вечно тебя нет, когда надо. Ты вообще помнишь о своих обязанностях?

Линь Шо сбросил вызов и повернулся к Вану:

— Мне пора. Допивай без меня.

— Да мы же только сели! — возмутился тот.

Линь Шо лишь небрежно махнул рукой и зашагал к остановке. Однако стоило автобусу проехать пару кварталов, как движение намертво встало в пробке. Телефон ожил снова.

— Ты как смеешь трубку вешать?! — яростно проорали на том конце.

Линь Шо уставился в окно, лениво ослабил воротник, но заговорил с неожиданным рвением, которое никак не вязалось с его холодным взглядом:

— Да я же к тебе спешу, разве не понятно? Уже в пути, просто встрял в пробку. Боюсь, немного задержусь.

Голос в трубке чуть смягчился, но недовольство никуда не делось:

— Встрял — так скажи водителю, пусть в объезд едет! Ум за разум зашёл?

— Обязательно, — серьёзно ответил Линь Шо. — Прямо сейчас дам водителю ценный совет.

Собеседник отключился.

К тому моменту, когда Линь Шо добрался до квартиры, Хэ Янь уже извёлся от нетерпения.

Хэ Янь — старший сын председателя Корпорации Хэ и ровесник Линь Шо. Линь Шо рано пошёл в школу, учился блестяще и перескочил через два класса, поэтому, когда Хэ Янь в

восемнадцать лет только поступил в университет, Линь Шо уже был на третьем курсе.

Стоило Хэ Яню и его свите золотой молодёжи переступить порог вуза, как они тут же услышали легенды о недостижимом старшекурснике. Хэ Янь в те годы был редкостным паршивцем. Едва завидев Линь Шо, он с друзьями заключил пари: тот, кто добудет обнажённые снимки этого «святоши», получит новенькую машину из лимитированной серии.

Денег Хэ Янь тогда не считал.

Проведав о споре, Линь Шо не стал жаловаться, а просто заманил наследника в ловушку и от души его отлупил.

Кто же знал, что эта трёпка выйдет боком.

Вскоре к Линь Шо явился личный секретарь председателя Хэ Боюаня с готовым контрактом в руках. Линь Шо был польщён: надо же, такая мелкая сошка, а удостоился внимания самого громовержца, чьё имя гремит на всю страну.

Но условия контракта были такими, что отказаться он не смог.

Линь Шо рано лишился родителей, его растил дед — Линь Хоугэнь. Несколько лет назад у старика обнаружили болезнь сердца, но он до последнего скрывал это от внука. Правда вскрылась лишь в прошлом году, когда дед сломал шейку бедра и на фоне травмы случился тяжелейший приступ. Лежа в больнице, Линь Хоугэнь умолял внука не тратиться на него и дать спокойно умереть. Но разве мог Линь Шо бросить единственного близкого человека?

Хэ Боюань предложил сделку: он находит подходящее донорское сердце и оплачивает трансплантацию, даря старику ещё пять, а то и десять лет жизни. На время действия контракта деду гарантировались лучшие условия и уход, а Линь Шо мог забыть о счетах за лечение.

Председатель даже проявил «чуткость»: его люди объяснили старику, что Корпорация Хэ просто нанимает талантливого парня на пятилетний контракт, а расходы на больницу — это лишь аванс в счёт будущей зарплаты.

Имя корпорации было священным для деда; услышав о такой «удаче», Линь Хоугэнь наконец успокоился. Старик всегда хотел для внука лишь одного: обычного диплома, обычной работы и тихой, обычной жизни. Должность в такой солидной фирме была пределом его мечтаний.

Всё выглядело идеально.

Цена вопроса? Линь Шо должен был сам напроситься к Хэ Яню в содержанки.

Линь Шо прекрасно понимал мотивы Хэ Боюаня.

Своего сына отец мог пороть сколько угодно, но другим — не позволял. Этот выскочка возомнил себя слишком гордым? Слишком чистым? Что ж, председатель решил втоптать эту гордость в грязь. Пусть сам, добровольно, отбросив достоинство, приползёт в постель к его сыну.

Хэ Боюань, привыкший к кровавым схваткам в мире бизнеса, и в семейных делах действовал столь же беспощадно.

Такова жизнь.

Линь Шо подписал бумаги не раздумывая.

Что такое самолюбие в сравнении с жизнью деда?

В этом мире у него не осталось никого, кроме старика. Какая разница, продать себя на пять лет или на всю жизнь, если это цена спасения?

Заметив, что Хэ Янь сидит с мрачным видом, Линь Шо тут же изобразил раскаяние:

— Извини, на дорогах просто ад.

Он привычно опустился на колени Хэ Яня, обнял его за шею и приник к губам.

Движения Линь Шо были отточенными, даже слишком. Глядя на эту покорность, Хэ Янь невольно задавался вопросом: со сколькими ещё этот парень так кувыркался? Неужели Линь Шо готов «обслуживать по высшему разряду» любого, у кого есть деньги?

Такое лицо — и такая ничтожная душонка. Впрочем, какая разница? Тело Линь Шо его полностью устраивало, оно было идеальным инструментом для разрядки.

А раз он платит, церемониться не обязательно.

Когда Хэ Янь ушёл, Линь Шо некоторое время неподвижно лежал в тишине, а затем отправился в душ. Он выключил воду, и туман на зеркале начал медленно стекать тяжёлыми каплями. В отражении Линь Шо увидел себя: чистый, внешне спокойный, и только на коже местами проступали синяки и багровые отметины.

Он оделся, выбрал свитер с высоким горлом и плотно замотал шею шарфом.

Раз Хэ Янь получил своё, сегодня он больше не вернётся. Оставшееся время Линь Шо принадлежало ему самому.

Он сел в автобус и доехал до самой конечной.

Здесь всё было засажено гинкго. Осень расцветила деревья золотом; усыпанная листьями земля казалась ковром из чистого золота. Настоящий сказочный уголок, спрятанный от городского шума.

Линь Шо вышел из автобуса и неспешно зашагал по шуршащей листве.

Но стоило пройти чуть дальше, как пейзаж резко изменился.

Деревья исчезли, дома закончились. Перед глазами раскинулся пустырь — бурая, развороченная земля, на которой копошилась строительная техника.

Посреди этой пустоты уцелела лишь одна дорога, ведущая к старому, ветхому зданию.

Оно стояло там, словно заброшенный остров.

Даже издали Линь Шо видел облезлую железную вывеску:

Кинотеатр «Радость без границ».

<http://bllate.org/book/17574/1708122>